

Случилось неизбежное, хотя для Нины это было почти сверхъестественным: он снова стал твердым.

- Ох, Патрик, - начала она,— Ты же не хочешь ...

Он резко перебил ее: -Можно мне войти в твою задницу?"

Она была ошеломлена. - Ну и что же?"

-Можно мне войти в твою задницу?- повторил он медленно и четко, как будто разговаривал с тупым десятилетним мальчишкой. -Вы же сами сказали, что я должен вас спросить. Поэтому я и спрашиваю тебя."

- Патрик, - устало произнесла она, - я не знаю, смогу ли выдержать еще один раунд."

- Я могу, - сказал он без малейшей нескромности.

Когда она почувствовала, что не может ответить, он сказал (и слово, казалось, вырвалось из него): "пожалуйста?"

Она посмотрела ему прямо в лицо. На этот раз его спокойствие уступило место пылкости, даже волнению. Ты ведь не привыкла просить милостыню, не так ли?

- Ладно, - сказала она, сдаваясь.

Внезапно он был полон действия. Но что он сделал, так это встал с кровати и направился в ванную.

-Куда это ты собрался?- сказала она в тревоге.

- Смазка, - только и сказал он.

Она предположила, что он собирается взять дозатор лосьона для рук, которым пользовался раньше, но вместо этого он вернулся с маленькой синей баночкой.

- Кольдкрем?- недоверчиво произнесла она. - И это то, что ты собираешься использовать?"

- Да, - вежливо ответил он. -Это работает лучше всего."

Значение этого замечания не ускользнуло от внимания Нины. О, так вы пробовали много разных смазок со многими разными дамами, не так ли? И путем кропотливых проб и ошибок вы обнаружили, что кольдкрем-это то, что лучше всего облегчает ваше вторжение в женскую задницу.

-Ты хочешь, чтобы я встал на четвереньки?- сказала она, решив, что сопротивление бесполезно.

- Нет—ты можешь лежать ничком."

Он тут же приложил к ее заднице изрядную порцию белого вещества, и она не смогла удержаться от чувства, что это предварительное действие было в некотором смысле более непристойным, чем то, что должно было последовать. Схватив несколько салфеток с прикроватной тумбочки, чтобы вытереть пальцы, он устроился сверху на ее расprostертом теле и поначалу только терся своим членом о ее ягодицы. Затем, с легкостью, свойственной

частым переживаниям, он погрузился в нее.

Она все еще была немного открыта по сравнению с его предыдущей записью, и поэтому она почти не чувствовала боли, когда он вставил в нее полную половину своей длины за считанные секунды. Этот акт все еще заставлял ее задыхаться, но только от того, что все еще было новизной этой формы проникновения. Вскоре он полностью вошел в нее, и снова чувство наполненности охватило ее так, как никогда не охватывало, когда мужчина входил в нее ортодоксальным образом. Он обхватил руками ее тело, чтобы обхватить груди, и без колебаний навалился на нее всем своим весом, вжимаясь бедрами в ее ягодицы.

Нина никогда еще не чувствовала себя такой беспомощной и уязвимой. Это было почти так же, как если бы она была секс-игрушкой, которая была удобно снабжена отверстием для заднего входа. Казалось, она мало что могла сделать, чтобы помешать или ускорить этот процесс, и она лежала совершенно пассивно, пока он колотил ее по заднице и терся лицом о ее волосы, щеку и плечо. Через некоторое время его отдельные толчки слились в одно непрерывное нарушение ее телесной целостности—но такое, которое она была полностью готова вынести, по причинам, которые сама до конца не понимала.

И когда он скользнул рукой от ее груди вниз к ее лону, она поняла, что у него на уме. И снова он планировал одновременную кульминацию—то ли потому, что эта мысль щекотала какое—то извращенное желание или его часть, то ли, что было более милосердно, потому что он стремился компенсировать дискомфорт, который она испытывала, вызывая в ней то же самое удовольствие, которое она—хотя едва ли через какое-то свое собственное действие, кроме как предоставив ему беспрепятственный доступ к своему телу—давала ему.

Так и случилось. Его разрядка вызвала те легкие вздохи, которые она уже ожидала услышать; и когда его рот приблизился к ее уху, она могла одновременно слышать их и чувствовать его горячее дыхание, когда он кончал. Влага, которая затопляла ее ягодицы, была сопоставима с влажностью ее собственного излучения, когда его пальцы дразнили ее еще одним оргазмом, снова продлевая его, поскольку он оставался погруженным в рукоятку еще долго после того, как его оргазм закончился.

Ей снова пришлось умолять: "Патрик, пожалуйста . . . вы должны выйти прямо сейчас."

И снова, сам акт вырывания из ее отверстия вызвал некоторую боль—первую, которую она испытала в этом раунде.

Она была практически без сознания после того, как все закончилось, и она едва заметила, как он встал с кровати, чтобы пойти в ванную и умыться. Когда он вернулся, то спросил: "Это было нормально?"

Ей потребовалось несколько секунд, чтобы ответить: "Да, это было хорошо.— На самом деле это было гораздо больше, но она не была уверена, что хочет поощрять его. Все это действие все еще заставляло ее чувствовать себя немного брезгливо.

-Не больно было?- сказал он.

-Нет, не очень."

-Так ты пришел?"

"Да."

"Хороший."

На некоторое время воцарилась тишина. Тогда Нина сказала: "Почему тебе это так нравится?"

Теперь уже Патрик не спеша ответил: -Это—очень интенсивно."

-Я же сказал!- горячо воскликнула она.

- Нина,—сказал он, хотя и не смотрел на нее, - я ... я хочу близости. Мне нужна интенсивность. Мне нужна интенсивность интимности. Это когда я чувствую себя наиболее живым—это когда каждый человек должен чувствовать себя наиболее живым. Этот-этот поступок делает это для меня. Я надеюсь, что он делает это для вас."

Какими бы экстравагантными и не совсем понятными ни были его слова, Нина чувствовала, что Патрик имел в виду каждое из них.

-Я не знаю, что и думать, - сказала она. - Это ... помни, я не делал этого раньше, до тебя . . . - До тех пор, пока ты не втиснулась мне в задницу в моей ванной.

-Это я и сам знаю. Но я просто надеюсь, что ты почувствуешь то же, что и я."

Она не знала, что на это ответить, поэтому промолчала. Затем, повернув голову, чтобы посмотреть на него, она увидела, что он пристально смотрит в потолок. На мгновение ей показалось, что он даже не замечает ее присутствия: он казался погруженным в свои мысли, и она вдруг почувствовала себя невероятно далекой от его сознания. Именно тогда он едва слышно произнес:

-Я люблю тебя."

Она не могла поверить своим ушам. И вот она произнесла слова, о которых очень скоро пожалела.

-Ты меня любишь? Ох, Патрик, не надо мне этого говорить! Ты даже не знаешь меня—ты не имеешь права говорить мне такие слова. Ты не должен так дразнить людей. Затем, чтобы добавить к ее неосторожности: "ты просто хочешь мое тело."

В течение нескольких секунд на его лице не было никакого ответа, поскольку он продолжал смотреть в потолок. Затем черты его лица претерпели странную перемену: оно сморщилось в самой картине страдания и гнева. Он осторожно снял покрывавшее его одеяло и встал с кровати.

-Может быть, мне лучше уйти, - сказал он.

Эта мысль наполнила Нину таким ужасом, что она недоверчиво уставилась на него. Она поняла, что, что бы он на самом деле ни имел в виду своими словами, ее собственные были ужасно обидными и бесчувственными. Она раскинула руки в отчаянной надежде ухватиться за любую часть его тела, но промахнулась. Увидев ее, Патрик печально взял ее руки в свои и мягко, но твердо направил обратно в полулежачее положение на кровати.

- Нина, мне лучше уйти."

-О Боже, нет!- сказала она сдавленным голосом. И с этими словами она чуть ли не спрыгнула с кровати и неуклюже повалилась перед ним, не давая ему выйти из комнаты. Она даже не

попыталась обнять его; вместо этого она закрыла лицо руками и стала раскачиваться взад-вперед на полу. Теперь она плакала, но время от времени ей удавалось сказать: "Пожалуйста, не уходи."

В одном углу ее сознания она понимает, почему она умоляла этого человека, чтобы остаться—это человек, который испытывал ее в течение часа их знакомства, потом (по ее приглашению, разумеется) дважды проникали в ее влагалище и затем дважды (первый раз решительно не по ее приглашению) вторгся в ее сфинктер так, что она чувствовала, подвергшихся насилию и жестокому обращению, как она никогда не была раньше. Но даже тогда у нее было смутное ощущение, что Патрик не просто искал быстрого и дешевого физического удовольствия везде, где мог его получить. Почему она вообще обвинила его в этом, она теперь не могла понять.

Когда Патрик посмотрел вниз на Нину, теперь уже безудержно рыдающую, его сердце сжалось, как это не было уже давно. Она лежала там обнаженная, практически в позе эмбриона, похожая на огромного ребенка, которого необъяснимо бросила мать. Он наклонился, взял ее на руки и осторожно положил на кровать. Затем, опередив дальнейшие мольбы с ее стороны, он сразу же скользнул к ней. Она тотчас же прильнула к нему в объятиях.

-Просто обними меня немного, пожалуйста, - сказала она ему в грудь.

- Ну ладно, - сказал он.

-Ты останешься?"

"Да."

-Мне очень жаль. Я не имел в виду ничего из того, что сказал."

-Все нормально."

Она уткнулась лицом ему в грудь, словно таким образом могла каким-то образом проникнуть в его тело и сердце. Его прикосновение, запах и вкус уже опьяняли ее. Когда он нежно погладил ее, разминая спину и плечи так, что напряжение, которое она чувствовала там, постепенно исчезло, она начала расслабляться—но все еще прижималась к нему, обвив руками его шею, как будто она была маленькой девочкой, ищущей утешения у своего любимого отца.